

«Мы будем очень рады вашим письмам»

«Белгородская правда» продолжает публиковать воспоминания Александра Крупенкова о Белгороде

Весь май на страницах «Белгородской правды» выходили «Мои воспоминания о Белгороде» Александра Николаевича Крупенкова. Начав печатать этот цикл 6 мая – в день, когда краеведу исполнилось бы 70 лет, – мы продолжаем публиковать части из его мемуаров и в июне.

Ценнейший документ, который нигде не печатался ранее, редакции передала Тамара Юльевна Крупенкова – вдова краеведа. Из уважения к памяти автора воспоминания публикуются без редакционной правки.

Неожиданный вопрос

После окончания института я был направлен на работу учителем английского языка в село Топлинка Белгородского района, где проработал с 1977-го по 1982 год. Правда, работая первые годы в селе, я продолжал жить в городе. Каждое утро в начале седьмого на троллейбусе ехал на автовокзал, откуда ровно в 7:00 отправлялся автобус «пазик» на Топлинку.

Я не буду подробно останавливаться на рассказе о своей пятилетней сельской жизни, так как мои воспоминания ограничиваются только Белгородом, хотя, по правде говоря, в Топлинке прошли самые лучшие и самые интересные годы моей жизни. И всё же на одном эпизоде хочется остановиться, потому что именно здесь в возрасте 26 лет начал я заниматься краеведческой, а точнее, сначала поисковой работой.

В центре Топлинки, как и в большинстве сёл Белгородчины, находилась братская могила советских воинов, погибших в боях за село летом 1943 года. Над могилой на высоком постаменте возвышалась типовая скульптура воина-освободителя, склонившего к земле знамя в знак скорби по погибшим товарищам.

На мемориальных плитах было выбито более 200 фамилий. Располагалась братская могила рядом со школой, конторой и магазином. Рано утром здесь всегда перед работой собирались колхозники, разговаривали, курили и после себя оставляли окурки и мусор. Директор школы Анатолий Егорович Лужецкий поручил мне и моему классу ухаживать за братской могилой: убирать мусор, пропалывать и поливать цветы. Однажды во время очередной уборки у братской могилы один из моих учеников спросил:

— Александр Николаевич, почему на плитах выбито так много фамилий, а никто на могилу никогда не приезжает?

Неожиданный вопрос школьника застал меня врасплох. Я не знал, что на него ответить, потому что сам об этом никогда не задумывался. Между тем вспомнил, как однажды старожилы села рассказывали, что лет двадцать назад приезжала сюда на могилу старушка, мать погибшего воина, кажется, из Сибири. Местные жители давали ей табуретку, и она с утра до вечера сидела здесь два–три дня, о чём-то думала и плакала. Ночевала она у кого-нибудь из топлинцев, а потом уезжала до следующего года. Так продолжалось несколько лет. Потом она перестала приезжать на могилу сына. Наверное, умерла.

Вопрос шестиклассника заставил меня задуматься. Действительно, более двухсот солдат и офицеров похоронено в братской могиле, и никто никогда не приезжает к ним. Ведь ещё должны быть живы родители некоторых воинов, вдовы, братья, сёстры. Наконец, дети, внуки, правнуки. Не могли же все они забыть близкого им человека?

Я пошёл в Белгородский райвоенкомат узнать, есть ли там какие-либо сведения о воинах, погибших во время войны в районе. Выяснилось, что на каждую братскую могилу каждого села в военкомате имеется картотека, а в ней на каждого похороненного – учётная карточка с его анкетными данными. Там указаны фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, воинское звание, номер воинской части, дата и место гибели, место похорон, сведения о родственниках. Учётные карточки заполнялись уже в послевоенное время в тех военкоматах, откуда призывался воин, и высылались в военные комиссариаты по месту гибели. Самыми важными для поиска были две графы: «Место рождения» и «Сведения о родственниках». Правда, во многих карточках они были не заполнены, но по печати военкомата можно было определить, из какой области и района Советского Союза призывался воин.

Выпускники факультета иностранных языков Белгородского пединститута, 1977 год.

«Адресат выбыл»

Несколько дней после уроков я ездил в Белгородский райвоенкомат, находившийся в Белгороде по улице Коммунистической в первом квартале от улицы Вокзальной, и переписывал в тетрадь учётные карточки на всех воинов, похороненных в Топлинке. Их оказалось 209. Но более чем в половине карточек домашний адрес не был указан.

На одном из уроков я предложил ученикам написать письма родственникам воинов, похороненных в братской могиле, и пригласить их на следующий День Победы в Топлинку. Договорились, что будем писать после уроков и на классных часах. Так мы начали писать письма по адресам тридцатипятилетней давности. К нашему огорчению, многие из них вернулись назад с пометками: «Уточните адрес», «Дом сломан», «Такой улицы нет», «Адресат выбыл». Но всё же часть писем нашла своих адресатов, и люди откликнулись. Оказалось, что все они просто не знали, где погиб и похоронен близкий им человек, и считали его пропавшим без вести. В школу учащимся стали приходиться десятки писем с разных концов страны с глубокой благодарностью за то, что они сообщили о месте гибели и захоронения их дорогого солдата. Мы пригласили этих людей на День Победы в Топлинку.

Первая такая встреча состоялась 8–9 мая 1978 года. Приехало только пять или шесть семей (около двадцати человек). Разместили их в школьном интернате и у местных жителей. Родственники погибших встретились с ребятами, которые их разыскали, приняли участие в общешкольном уроке мужества и в митинге, посвящённом Дню Победы. Такие встречи стали организовывать каждый год на День Победы, и всё больше и больше людей стали приезжать на братскую могилу.

А потом бедную Топлинку затопили. Людей переселили в ближайшие сёла Никольское, Нижний Ольшанец, Разумное. Перезахоронили и воинов из братской могилы в Никольское. Так исчезло с лица земли старинное русское село с поэтическим названием Топлинка, и на его месте образовалось так называемое Белгородское море.

9 мая 1978 года в газете «Ленинская смена» была опубликована моя первая статья «Парень из Казани» о двадцатилетнем лейтенанте Александре Дюкове, погибшем в боях за Топлинку и похороненном в братской могиле села. Потом газеты «Белгородская правда», «Ленинская смена» и районная «Знамя» часто публиковали мои очерки о поисковой работе учащихся нашей школы.

Вечный огонь на площади Революции. Белгород, 1980-е годы

«Поиск»

Ещё накануне закрытия школы я перешёл работать в Белгородский городской Дворец пионеров и школьников по улице Садовой, 3. Узнав, что я работал в сельской школе и занимался поисковой работой, директор Дворца пионеров Татьяна Павловна Хрулова, хорошо знавшая моего брата Юру и немного меня, приняла на работу без всяких проблем, и я стал работать методистом по военно-патриотическому воспитанию и вести на полставки занятия клуба «Поиск».

Моя работа в должности методиста заключалась в оказании методической помощи школам города по военно-патриотическому воспитанию: выступать на семинарах организаторов внеклассной работы и пионервожатых, проводить различные конференции, помогать гороно в организации городских военно-спортивных игр «Зарница» и «Орлёнок», проводить смотры музеев и залов боевой славы школ Белгорода и заниматься организацией других мероприятий. В этой работе я тесно сотрудничал с Белгородским городским советом ветеранов войны, который возглавлял бывший фронтовик, а потом директор и учитель школ города Афанасий Тихонович (ещё один вариант написания отчества – Евтихьевич. – **БП**) Хукаленко. С ним мы обошли по многу раз все школы Белгорода, проверяли их работу по военно-патриотическому воспитанию, проводили смотры музеев и залов боевой славы. Ежегодно на общегородских смотрах во Дворце пионеров подводили итоги и награждали победителей.

В 1989 году мы подготовили и издали небольшую книжку «Боевая слава Белгорода» – путеводитель по музеям и залам боевой славы школ города. В нём нашла отражение работа 14 музеев и 6 залов боевой славы, а также музей городского Дворца пионеров и зал боевой славы штаба поста № 1, располагавшийся на первом этаже пятиэтажного жилого дома на углу Театрального проспекта и улицы Победы, где до этого находился комиссионный магазин, а после закрытия поста № 1 – детская библиотека. Эта общая наша с Афанасием Тихоновичем брошюра стала моей первой книгой. В 2000 году, когда я уже давно не работал во Дворце пионеров, Афанасий Тихонович переиздал её под названием «Школьные музеи Белгорода», существенно дополнив очерками о новых музеях вместе с методистом по краеведению Н.А. Шаповаловой.

Топлинская школа и памятник воинам-освободителям на братской могиле, 1960-е гг.

Хотя работа методистом по военно-патриотическому воспитанию была основной, всё же меня больше привлекала работа в клубе «Поиск». Во Дворце пионеров я решил продолжить дело, которым занимался в Топлинке, – поиском семей воинов, только уже погибших в боях за Белгород и похороненных в братских могилах города. Два раза в неделю ко мне на занятия клуба «Поиск» приходили мальчики и девочки среднего возраста, занимающиеся у себя в школах поисковой, музейной и краеведческой работой. На первом же занятии я объяснил им, что мы будем заниматься совсем новым направлением – поиском семей погибших воинов. Рассказал о том, как мы работали с ребятами в Топлинке, и дети заинтересовались.

А перед этим, накануне нового учебного года, во Дворце пионеров проходил семинар организаторов внеклассной работы и старших пионервожатых, и я, выступая перед ними, сказал, что на занятиях нашего клуба мы будем заниматься с ребятами поиском родственников погибших воинов. Однако они никак не могли взять в толк, для чего это нужно. Одна из пионервожатых встала и прямо заявила:

— Я не понимаю, зачем это нужно. Наши дети всегда разыскивали ветеранов, воевавших за Белгород, устанавливали с ними связи, переписывались, поздравляли с праздниками. Но никогда дети не разыскивали родственников воинов. Ведь воевали-то ветераны, а не их родственники.

Я ответил так:

— В братских могилах города были похоронены тысячи воинов, а мы знаем только троих: старшего лейтенанта Попова, генерала Лебедея и перезахороненного в Ставрополе генерала армии Апанасенко. Об остальных мы не знаем ничего. Разыскав родственников павших героев, мы сможем восстановить их довоенные и боевые биографии, создать посвящённые им экспозиции в школьных музеях.

Наверное, я смог убедить педагогов в необходимости этой работы, потому что больше они никогда не задавали такого вопроса.

«Оставили бы уже мёртвых»

Начать поиск мы решили сразу с двух братских могил: на главной площади, где горит Вечный огонь, и самой большой братской могилы города за Северским Донцом, у Дворца культуры витаминного комбината «Юбилейный», на развилке дорог на Корочу и Шебекино. Братская могила на площади Революции административно относилась к Октябрьскому району, а у ДК «Юбилейный» – к Свердловскому, поэтому переписывать учётные карточки приходилось в разных военкоматах: Октябрьском – в конце улицы Коммунистической (сейчас – улица Преображенская. – **БП**) и Свердловском – на Литвинова (ныне Белгородский проспект. – **БП**), рядом с моим домом.

Встречали нас там не очень приветливо. Отказывать не отказывали, но и большой радости от наших посещений не испытывали. Один раз сотрудник военкомата, заведовавший картотекой, с недовольством бросил в наш адрес:

— Оставили бы уже мёртвых. Сколько можно копать в могилах?

В другом военкомате сказали прямо:

— Вы тут будете что-то находить, а нам будут говорить, что мы здесь сидим и ничего не делаем.

Я старался не обращать на эти реплики внимания. Сознавал, что мы здесь всё же посторонние, отвлекаем людей от более срочных дел: призыва в армию и ещё чего-то. Да и комнатка небольшая, рассадить несколько человек было просто негде. Поэтому я стал брать с собой только одного помощника, а чаще всего приходил переписывать карточки сам.

На одном из первых занятий клуба «Поиск» мы составили примерный текст письма. Если письмо адресовалось, например, брату погибшего, то текст был такой: «Уважаемый (имя, отчество)! Обращаются к Вам красные следопыты клуба «Поиск» Белгородского городского Дворца пионеров и школьников имени Н.Ф. Ватутина. Нам стало известно, что (такого-то числа) 1943 года в боях за Белгород погиб Ваш брат (фамилия, имя, отчество). Он похоронен в братской могиле нашего города. Будем Вам очень благодарны, если Вы напишете нам о его довоенной жизни, как уходил на фронт, его участии в Великой Отечественной войне. С уважением, красные следопыты белгородского городского клуба «Поиск». Дальше каждый следопыт мог написать что-нибудь от себя, но этот текст был обязательным.

По данным райвоенкоматов, в братской могиле на площади Революции значились похороненными 106 воинов, а у Дворца культуры «Юбилейный» – 441. Уже в первые два месяца занятий мы написали семьям воинов, похороненных на площади Революции, в учётных карточках которых была заполнена графа «Сведения о родственниках» и указан домашний адрес, около 80 писем и примерно столько же родственникам воинов, похороненных у Дворца культуры «Юбилейный». Не все письма нашли своих адресатов. К нашему разочарованию, так же как и в Топлинке, многие письма вернулись назад с пометками почты: «Уточните адрес», «Адресат не проживает» и т. д. Но часть писем разными путями всё же нашла своих адресатов.

Когда мы писали письма, преследовали только одну цель – узнать больше о воинах, погибших в боях за Белгород, восстановить их биографии, чтобы во время экскурсий по нашему музею рассказывать о них. Я был уверен, что родственники погибших знают о месте захоронения близкого им человека. «Ну, ладно, – рассуждал я. – Где-то в Топлинке или в каком другом селе не знали люди, где погиб их родственник, но в Белгороде, на главной площади города Первого салюта, где горит Вечный огонь, а в праздничные дни проводятся митинги, возлагаются венки, здесь-то наверняка должны были сообщить людям, где погиб и похоронен близкий им человек». Ничего подобного! Всё то же самое. Люди, проживавшие в разных городах и сёлах всех 15 советских республик, впервые через сорок лет узнавали о месте гибели и захоронения своего отца, мужа, брата, сына. И по адресу Белгород, клуб «Поиск» шли десятки взволнованных писем со всего Советского Союза.

Топлинская средняя школа. Конец 1970-х - начало 1980-х гг.

«Мы обязательно приедем на День Победы»

Одно из первых писем получили поисковики осенью 1982 года из Липецкой области от дочери сержанта Семёна Петровича Журавлёва, погибшего 21 марта 1943 года в начале второй оккупации Белгорода и похороненного в братской могиле на площади Революции. Она писала: «Дорогие ребята! Получили ваше письмо и не могли читать его без волнения. Через 39 лет после гибели нашего дорогого Семёна Петровича вы напомнили нам о нём и заставили пережить прошлое заново.

Большое спасибо вам за то большое дело, которое вы выполняете. Особенно приятно, что вы свято чтите память о людях, отстаивавших право на счастливую свободную жизнь».

В конверт была вложена старая фронтовая фотокарточка, на которой в армейской фуражке изображён молодой солдат. И ещё один документ тех военных лет – пожелтевший от времени лист бумаги – похоронка, в которой сообщалось, что «сержант Журавлёв Семён Петрович, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб в бою в районе города Белгорода».

Из письма ребята узнали, что родился Семён Петрович в Москве в семье рабочего. Был общительным и весёлым, имел много друзей. Трудился с удовольствием. В 1937 году ушёл в армию. Служил в коннице С.М. Будённого. В 1940 году к ноябрьским праздникам пришёл домой. Но недолго длилось семейное счастье. Через восемь месяцев началась Великая Отечественная война, и он ушёл на фронт, а летом 1943 года погиб.

А вот письмо из Днепропетровской области от родной сестры старшины Григория Михайловича Ерофеева, похороненного тоже на площади Революции, которое пришло в Белгород в ноябре 1984 года:

«Дорогие следопыты! От всей души большое вам спасибо за то, что вы сообщили о нашем дорогом брате Ерофееве Григории Михайловиче. Похоронку мы получили в 1943 году, и с тех пор прошло много времени, но забыть мы его не сможем и никогда не забудем. Мы часто вспоминаем Григория, и особенно вспоминает его мама, она ещё жива, ей 92 года. Слабенькая она у нас, не видит и не слышит, всё время лежит, уже там 5 лет. Нас у Гриши (так мы его всегда звали) три сестры и брат... Мы помним, как его провожали, и он сказал маме, чтобы мы возвращались, и ещё сказал, что скоро вернётся. Он служил в армии три года, был участником боёв на озере Хасан. Осенью в 40-м году вернулся, а в 41-м ушёл на войну. Больше мы его не видели.

Маме про то, что вы нас разыскали, мы ничего не говорим. Она этого не переживёт. Дорогие наши, напишите нам, где он похоронен, в братской могилке или отдельно. Мы обязательно приедем на День Победы, нам так хочется повидать то местечко, где он похоронен. Пока до свидания, пишите. Мы будем очень рады вашим письмам. Крикунова Раиса Михайловна».

Конец пятой части. Первые четыре части «Моих воспоминаний о Белгороде» Александра Николаевича Курпенкова опубликованы в номерах «Белгородской правды» от 6, 13, 20 и 27 мая 2021 года. Продолжение – в следующем номере.

В тексте использованы фотографии из личного архива Тамары Крупенковой